

Н. НОСОВ
ФЕДИНА ЗАДАЧА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. НОСОВ

ФЕДИНА ЗАДАЧА

РАССКАЗЫ

МОСКВА
"Детская литература"
1979

Н84
Р2

Художник Г. Вальк

Носов Н. Н.

Н84   Федина задача: Рассказы/Переизд.; Рис.
Г. Валька. — М.: Дет. лит., 1979. — 48 с., (Школ.
б-ка).

10 к.

Весёлые рассказы о школьниках.

Н 70802—216 153—79
М101(03)79

Р2

© Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1979 г.

МИШКИНА КАША

дин раз, когда я жил с мамой на даче, ко мне в гости приехал Мишка. Я так обрадовался, что и сказать нельзя! Я очень по Мишке соскучился. Мама тоже была рада его приезду.

— Это очень хорошо, что ты приехал, — сказала она. — Вам вдвоём здесь веселей будет. Мне, кстати, завтра надо в город поехать. Я, может быть, задержусь. Проживёте тут без меня два дня?

— Конечно, проживём, — говорю я. — Мы не маленькие!

— Только вам тут придётся самим обед готовить. Сумеете?

— Сумеем, — говорит Мишка. — Чего там не суметь!

— Ну, сварите суп и кашу. Кашу ведь просто варить.

— Сварим и кашу. Чего там её варить! — говорит Мишка.

Я говорю:

— Ты смотри, Мишка, а вдруг не сумеем! Ты ведь не варил раньше.

— Не беспокойся! Я видел, как мама варит. Сыт будешь, не помрёшь с голоду. Я такую кашу сварю, что пальцы оближешь!

Наутро мама оставила нам хлеба на два дня, варенья, чтобы мы чай пили, показала, где какие продукты лежат, объяснила, как варить суп и кашу, сколько крупы положить, сколько чего. Мы всё слушали, только я ничего не запомнил. «Зачем, — думаю, — раз Мишка знает».

Потом мама уехала, а мы с Мишкой решили пойти на реку рыбу ловить. Наладили удочки, накопили червей.

— Постой, — говорю я. — А обед кто будет варить, если мы на реку уйдём?

— Чего там варить! — говорит Мишка. — Одна возня! Съедем весь хлеб, а на ужин сварим кашу. Кашу можно без хлеба есть.

Нарезали мы хлеба, намазали его вареньем и пошли на реку. Сначала выкупались, потом разлеглись на песке. Греемся на солнышке и хлеб с вареньем жуём. Потом стали рыбу ловить. Только рыба плохо клевала: поймали всего с десяток пескариков. Целый день мы на реке проболтались. К вечеру вернулись домой. Голодные!

— Ну, Мишка, — говорю, — ты специалист. Что варить будем? Только такое, чтоб побыстрее. Есть очень хочется.

— Давай кашу, — говорит Мишка. — Кашу проще всего.

— Ну что ж, кашу так кашу.

Растопили плиту. Мишка насыпал в кастрюлю крупы. Я говорю:

— Сыпь побольше. Есть очень хочется!

Он насыпал полную кастрюлю и воды налил доверху.

— Не много ли воды? — спрашиваю. — Размазня получится.

— Ничего, мама всегда так делает. Ты только за печкой смотри, а я уж сварю, будь спокоен.

Ну, я за печкой смотрю, дрова подкладываю, а Мишка кашу варит, то есть не варит, а сидит да на кастрюлю смотрит, она сама варится.

Скоро стемнело, мы зажгли лампу. Сидим и ждём, когда каша сварится. Вдруг смотрю: крышка на кастрюле приподнялась, и из-под неё каша лезет.

— Мишка, — говорю, — что это? Почему каша лезет?

— Куда?

— Шут её знает куда! Из кастрюли лезет!

Мишка схватил ложку и стал кашу обратно в кастрюлю впихивать. Мял её, мял, а она будто пухнет в кастрюле, так и вываливается наружу.

— Не знаю, — говорит Мишка, — с чего это она вылезать вздумала. Может быть, готова уже?

Я взял ложку, попробовал: крупа совсем твёрдая.

— Мишка, — говорю, — куда же вода девалась? Совсем сухая крупа!

— Не знаю, — говорит. — Я много воды налил. Может быть, дырка в кастрюле?

Стали мы кастрюлю осматривать: никакой дырки нет.

— Наверно, испарилась, — говорит Мишка. — Надо ещё подлить.

Он переложил лишнюю крупу из кастрюли в тарелку и подлил в кастрюлю воды. Стали варить дальше. Варили, варили — смотрим, опять каша наружу лезет.

— Ах, чтоб тебя! — говорит Мишка. — Куда же ты лезешь?

Схватил ложку, опять стал лишнюю крупу откладывать. Отложил и снова бух туда кружку воды.

— Вот видишь, — говорит, — ты думал, что воды много, а её ещё подливать приходится.

Варим дальше. Что за комедия! Опять вылезает каша. Я говорю:

— Ты, наверно, много крупы положил. Она разбухает, и ей тесно в кастрюле становится.

— Да, — говорит Мишка, — кажется, я немного много крупы переложил. Это всё ты виноват: «Клади, говорит, побольше. Есть хочется!»

— А откуда я знаю, сколько надо класть? Ты ведь говорил, что умеешь варить.

— Ну и сварю, не мешай только.

— Пожалуйста, не буду тебе мешать.

Отошёл я в сторонку, а Мишка варит, то есть не варит, а только и делает, что лишнюю крупу в тарелки перекладывает. Весь стол уставил тарелками, как в ресторане, и всё время воды подливает.

Я не вытерпел и говорю:

— Ты что-то не так делаешь. Так ведь до утра можно варить!

— А что ты думаешь, в хорошем ресторане всегда обед с вечера варят, чтоб наутро поспел.

— Так то, — говорю, — в ресторане! Им спешить некуда, у них еды много всякой.

— А нам-то куда спешить?

— Нам надо поесть, да спать ложиться. Смотри, скоро двенадцать часов.

— Успеешь, — говорит, — выспаться.

И снова бух в кастрюлю кружку воды. Тут я понял, в чём дело.

— Ты, — говорю, — всё время холодную воду льёшь, как же она может свариться.

— А как, по-твоему, без воды, что ли, варить?

— Выложить, — говорю, — половину крупы и налить воды сразу побольше, и пусть себе варится.

Взял я у него кастрюлю, вытряхнул из неё половину крупы.

— Наливай, — говорю, — теперь воды доверху.

Мишка взял кружку, полез в ведро.

— Нету, — говорит, — воды. Вся вышла.

— Что же мы делать будем? Как за водой идти, темнота какая! — говорю. — И колодца не увидишь.

— Чепуха! Сейчас принесу.

Он взял спички, привязал к ведру верёвку и пошёл к колодцу. Через минуту возвращается.

— А вода где? — спрашиваю.

— Вода... там, в колодце.

— Сам знаю, что в колодце. Где ведро с водой?

— И ведро, — говорит, — в колодце.

— Как — в колодце?

— Так, в колодце.

— Упустил?

— Упустил.

— Ах ты, — говорю, — размазня! Ты что ж, нас уморить голодом хочешь? Чем теперь воды достать?

— Чайником можно.

Я взял чайник и говорю:

— Давай верёвку.

— А её нет, верёвки.

— Где же она?

— Там.

— Где — там?

— Ну... в колодце.

— Так ты, значит, с верёвкой ведро упустил?

— Ну да.

Стали мы другую верёвку искать. Нет нигде.

— Ничего, — говорит Мишка, — сейчас пойду попрошу у соседей.

— С ума, — говорю, — сошёл! Ты посмотри на часы: соседи спят давно.

Тут, как нарочно, обоим нам пить захотелось; кажется, сто рублей за кружку воды отдал бы! Мишка говорит:

— Это всегда так бывает: когда нет воды, так ещё больше пить хочется. Поэтому в пустыне всегда пить хочется, потому что там нет воды.

Я говорю:

— Ты не рассуждай, а ищи верёвку.

— Где же её искать? Я везде смотрел. Давай леску от удочки привяжем к чайнику.

— А леска выдержит?

— Может быть, выдержит.

— А если не выдержит?

— Ну, если не выдержит, то... оборвётся...

— Это и без тебя известно.

Размотали мы удочку, привязали к чайнику леску и пошли к колодцу. Я опустил чайник в колодец и набрал воды. Леска натянулась, как струна, вот-вот лопнет.

— Не выдержит! — говорю. — Я чувствую.

— Может быть, если поднимать осторожно, то выдержит, — говорит Мишка.

Стал я поднимать потихоньку. Только приподнял над водой, плюх — и нет чайника.

— Не выдержала? — спрашивает Мишка.

— Конечно, не выдержала. Чем теперь доставать воду?

— Самоваром, — говорит Мишка.

— Нет, уж лучше самовар просто бросить в колодец, по крайней мере возиться не надо, верёвки-то нет.

— Ну, кастрюлей.

2
— Что у нас, — говорю, — по-твоему, кастрюльный магазин?

— Тогда стаканом.

— Это сколько придётся возиться, пока стаканом воды наносишь!

— Что же делать? Надо ведь кашу доваривать. И пить до зарезу хочется.

— Давай, — говорю, — кружкой. Кружка всё-таки больше стакана.

Пришли домой, привязали леску к кружке так, чтоб она не переворачивалась. Вернулись к колодцу. Вытащили по кружке воды, напились. Мишка говорит:

— Это всегда так бывает. Когда пить хочется, так кажется, что целое море выпьешь, а когда станешь пить, так одну кружку выпьешь и больше уже не хочется, потому что люди от природы жадные...

Я говорю:

— Нечего тут на людей наговаривать! Тащи лучше кастрюлю с кашей сюда, мы прямо в неё воды натаскаем, чтоб не бегать двадцать раз с кружкой.

Мишка принёс кастрюлю и поставил на край колодца. Я её не заметил, зацепил локтем и чуть не столкнул в колодец.

— Ах ты, растяпа! — говорю. — Зачем мне кастрюлю под локоть сунул? Возьми её в руки и держи крепче. И отойди от колодца подальше, а не то и каша полетит в колодец.

Мишка взял кастрюлю и отошёл от колодца. Я натаскал воды.

Пришли мы домой. Каша у нас остыла, печь погасла. Растопили мы снова печь и опять принялись кашу варить. Наконец она у нас закипела, сделалась густая и стала пыхтеть: пых, пых!..

— О! — говорит Мишка. — Хорошая каша получилась, знатная!

Я взял ложку, попробовал:

— Тьфу! Что это за каша! Горькая, несолёная и воняет гарью.

Мишка тоже хотел попробовать, но тут же выплюнул.

— Нет, — говорит, — умирать буду, а такую кашу не стану есть!

— Такой каши наешься, и умереть можно! — говорю я.
— Что ж делать?
— Не знаю.
— Чудаки мы! — говорит Мишка. — У нас же пескари есть!

Я говорю:

— Некогда теперь уже с пескарями возиться! Скоро светать начнёт.

— Так мы их варить не будем, а зажарим. Это ведь быстро — раз, и готово.

— Ну давай, — говорю, — если быстро. А если будет, как каша, то лучше не надо.

— В один момент, вот увидишь.

Мишка почистил пескарёй и положил на сковородку. Сковородка нагрелась, пескари и прилипли к ней. Мишка стал отдирать пескарёй от сковородки ножом, все бока ободрал им.

— Умник! — говорю. — Кто же рыбу без масла жарит!

Мишка взял бутылку с подсолнечным маслом. Налил масла на сковородку и сунул в печь прямо на горячие угли, чтоб поскорее зажарились. Масло зашипело, затрещало и вдруг вспыхнуло на сковородке пламенем. Мишка вытащил сковородку из печки — масло на ней пылает. Я хотел водой залить, а воды у нас во всём доме ни капли нет. Так оно и горело, пока всё масло не выгорело. В комнате дым и смрад, а от пескарёй одни угольки остались.

— Ну, — говорит Мишка, — что теперь жарить будем?

— Нет, — говорю я, — больше я тебе ничего жарить не дам. Мало того, что ты продукты испортишь, так ты ещё пожар устроишь. Из-за тебя весь дом сгорит. Довольно!

— Что же делать? Есть-то ведь хочется!

Попробовали мы сырую крупу жевать — противно. Попробовали сырой лук — горько. Масло попробовали без хлеба есть — тошно. Нашли банку из-под варенья. Ну, мы её вылизали и легли спать. Уже совсем поздно было.

Наутро проснулись голодные. Мишка сразу полез за крупой, чтоб варить кашу. Я как увидел, так меня даже в дрожь бросило.

— Не смей! — говорю. — Сейчас я пойду к хозяйке, тётё Наташе, попрошу, чтобы она нам кашу сварила.

Мы пошли к тётё Наташе, рассказали ей всё, обещали, что мы с Мишкой все сорняки у неё на огороде выполем, только пусть она поможет нам кашу сварить. Тётя Наташа сжалилась над нами: напоила нас молоком, дала пирогов с капустой, а потом усадила завтракать. Мы всё ели и ели, так что тётя Наташин Вовка на нас удивлялся, какие мы голодные были.

Наконец мы наелись, попросили у тёти Наташи верёвку и пошли доставать из колодца ведро и чайник. Много мы провозились и, если бы Мишка не придумал якорёк из проволоки сделать, так бы ничего и не достали. А якорьком, как крючком, подцепили и ведро и чайник. Ничего не пропало — всё вытащили. А потом мы с Мишкой и Вовкой сорняки на огороде пололи.

Мишка говорил:

— Сорняки — это чепуха! Совсем нетрудное дело. Гораздо легче, чем кашу варить!

МЕТРО

ы с мамой и Вовкой были в гостях у тёти Оли в Москве. В первый же день мама и тётя ушли в магазин, а нас с Вовкой оставили дома. Дали нам старый альбом с фотографиями, чтоб мы рассматривали. Ну, мы рассматривали, рассматривали, пока нам это не надоело.

Вовка сказал:

— Мы так и Москву не увидим, если будем целый день дома сидеть!

Стали в окно глядеть. Напротив — станция метро.

Я говорю:

— Пойдём на метро покатаемся.

Пришли мы на станцию, спустились по лестнице и поехали под землёй. Сначала показалось страшно, а потом ничего, интересно. Проехали две остановки, вылезли.

«Осмотрим, — думаем, — станцию — и назад».

Стали осматривать станцию, а там лестница движется. Люди по ней вверх и вниз едут. Стали и мы кататься: вверх

и вниз, вверх и вниз... Ходить совсем не надо, лестница сама возит.

Накатались по лестнице, сели на поезд и поехали обратно. Слезли через две остановки, смотрим — не наша станция!

— Наверно, мы не в ту сторону поехали, — говорит Вовка.

Сели мы на другой поезд, поехали в обратную сторону. Приезжаем — опять не наша станция! Тут мы испугались...

— Надо спросить кого-нибудь, — говорит Вовка.

— А как же ты спросишь? Ты знаешь, на какой станции мы садились?

— Нет. А ты?

— Я тоже не знаю.

— Давай ездить по всем станциям, может, отыщем как-нибудь, — говорит Вовка.

Стали мы ездить по станциям. Ездили, ездили, даже голова закружилась. Вовка стал хныкать:

— Пойдём отсюда!

— Куда ж мы пойдём?

— Всё равно куда! Я наверх хочу.

— А что тебе наверху делать?

— Не хочу под землёй!

И начал реветь.

— Не надо, — говорю, — плакать. В милицию заберут.

— Пусть забирают! Э-э-э!..

— Ну, пойдём, пойдём, — говорю. — Не реви только. Вон милиционер уже смотрит на нас!

Схватил его за руку — и скорей на лестницу. Поехали вверх. «Куда же нас вывезет? — думаю. — Что теперь с нами будет?»

Вдруг смотрим — навстречу нам мама с тётей Олей по другой лестнице едут. Я как закричу:

— Мама!

Они увидели нас и кричат:

— Что вы здесь делаете?

А мы кричим:

— Мы никак выбраться отсюда не можем!

Больше ничего крикнуть не успели: нас лестница вверх утащила, а их вниз. Приехали мы наверх — и скорей по дру-

гой лестнице вниз, за ними вдогонку. Вдруг смотрим — а они снова навстречу едут! Увидели нас и кричат:

— Куда же вы? Почему нас не подождали?

— А мы за вами поехали!

Приезжаем вниз. Я говорю Вовке:

— Подождём. Они сейчас к нам приедут.

Ждали мы, ждали, а их всё нет и нет.

— Наверно, они нас ждут, — говорит Вовка. — Поедем.

Только поехали, а они снова навстречу.

— Мы вас ждали, ждали!.. — кричат.

А вокруг все хохочут.

Приехали мы снова наверх — и опять поскорей вниз. Поймали наконец их. Мама начала бранить нас за то, что ушли без спросу, а мы стали рассказывать, как потеряли станцию.

Тётя говорит:

— Не понимаю, как это вы потеряли станцию! Я тут каждый день езжу, а ещё ни разу станцию не потеряла. Ну, поедем домой.

— Эх вы, пошехонцы! — говорит тётя. — Искали рукавицы, а они за поясом. В трёх соснах заблудились. Потеряли станцию!

И вот так всю дорогу смеялись над нами.

Приезжаем на станцию, тётя посмотрела вокруг и говорит:

— Тьфу! Совсем вы меня запутали! Нам на Арбат надо, а мы на Курский вокзал приехали. Не в ту сторону сели.

Пересели мы на другой поезд и поехали обратно. И тётя больше уже не смеялась над нами. И пошехонцами не называла.

ФАНТАЗЁРЫ

ишутка и Стасик сидели в саду на скамеечке и разговаривали. Только они разговаривали не просто, как другие ребята, а рассказывали друг другу разные небылицы, будто пошли на спор, кто кого переверёт.

— Сколько тебе лет? — спрашивает Мишутка.

— Девяносто пять. А тебе?

— А мне сто сорок. Знаешь, — говорит Мишутка, — раньше я был большой-большой, как дядя Боря, а потом сделался маленький.

— А я, — говорит Стасик, — сначала был маленький, а потом вырос большой, а потом снова стал маленький, а теперь опять скоро буду большой.

— А я, когда был большой, всю реку мог переплыть, — говорит Мишутка.

— У! А я море мог переплыть!

— Подумаешь — море! Я океан переплывал!

— А я раньше летать умел!

— А ну, полети!
— Сейчас не могу: разучился.
— А я один раз купался в море, — говорит Мишутка, — и на меня напала акула. Я её бац кулаком, а она меня цап за голову — и откусила.

— Врёшь!
— Нет, правда!
— Почему же ты не умер?
— А зачем мне умирать? Я выплыл на берег и пошёл домой.

— Без головы?
— Конечно, без головы. Зачем мне голова?
— Как же ты шёл без головы?
— Так и шёл. Будто без головы ходить нельзя.
— Почему же ты теперь с головой?
— Другая выросла.

«Ловко придумал!» — позавидовал Стасик. Ему хотелось соврать получше Мишутки.

— Ну, это что! — сказал он. — Вот я раз был в Африке, и меня там крокодил съел.

— Вот так соврал! — рассмеялся Мишутка.
— Вовсе нет.
— Почему же ты теперь живой?
— Так он же меня потом выплюнул.

Мишутка задумался. Ему хотелось перевернуть Стасика. Он думал, думал, наконец говорит:

— Один раз я шёл по улице. Кругом трамваи, автомобили, грузовики...

— Знаю, знаю! — закричал Стасик. — Сейчас расскажешь, как тебя трамвай переехал. Ты уже врал про это.

— Ничего подобного. Я не про это.

— Ну ладно. Ври дальше.

— Вот я и иду, никого не трогаю. Вдруг навстречу автобус. Я его не заметил, наступил ногой — рраз! — и раздавил в лепёшку.

— Ха-ха-ха! Вот это враки!

— А вот и не враки!

— Как же ты мог раздавить автобус?

— Так он же совсем маленький был, игрушечный. Его мальчишка на верёвочке тащил.

— Ну, это не удивительно, — сказал Стасик. — А я раз на Луну летал.

— Эва, куда махнул! — засмеялся Мишутка.

— Не веришь? Честное слово!

— На чём же ты летал?

— На ракете. На чём ещё на Луну летают? Будто не знаешь сам!

— Что же ты там на Луне видел?

— Ну, что... — замылся Стасик. — Что я там видел? Ничего и не видел.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Мишутка. — А говорит, на Луну летал!

— Конечно, летал.

— Почему же ничего не видел?

— А темно было. Я ведь ночью летал. Во сне. Сел на ракету и как полечу в космическое пространство. У-у-у! А потом как полечу обратно... Летел, летел, а потом бряк о землю... ну и проснулся...

— А-а, — протянул Мишутка. — Так бы сразу и говорил. Я ведь не знал, что ты — во сне.

Тут пришёл соседский Игорь и сел рядом на скамеечке. Он слушал, слушал Мишутку и Стасика, потом говорит:

— Вот врут-то! И вам не стыдно?

— А чего стыдно? Мы же никого не обманываем, — сказал Стасик. — Просто выдумываем, будто сказки рассказываем.

— Сказки! — презрительно фыркнул Игорь. — Нашли занятие!

— А ты думаешь, легко выдумывать!

— Чего проще!

— Ну выдумай что-нибудь.

— Сейчас... — сказал Игорь. — Пожалуйста.

Мишутка и Стасик обрадовались и приготовились слушать.

— Сейчас, — повторил Игорь. — Э-э-э... гм... кхм... э-э-э...

— Ну, что ты всё «э» да «э»!

— Сейчас! Дайте подумать.

— Ну, думай, думай!

— Э-э-э, — снова сказал Игорь и посмотрел на небо. — Сейчас, сейчас... э-э-э...

— Ну, чего же ты не выдумываешь? Говорил — чего проще!

— Сейчас... Вот! Один раз я дразнил собаку, а она меня цап за ногу и укусила. Вот даже шрам остался.

— Ну и что же ты тут выдумал? — спросил Стасик.

— Ничего. Как было, так и рассказал.

— А говорил — выдумывать мастер!

— Я мастер, да не такой, как вы. Вот вы всё врёте, да без толку, а я вчера соврал, мне от этого польза.

— Какая польза?

— А вот. Вчера вечером мама и папа ушли, а мы с Ирой остались дома. Ира легла спать, а я залез в буфет и съел полбанки варенья. Потом думаю: как бы мне не попало. Взял Ирке губы вареньем намазал. Мама пришла: «Кто варенье съел?» Я говорю: «Ира». Мама посмотрела, а у неё все губы в варенье. Сегодня утром ей от мамы досталось, а мне мама ещё варенья дала. Вот и польза.

— Значит, из-за тебя другому досталось, а ты и рад! — сказал Мишутка.

— А тебе что?

— Мне ничего. А вот ты этот, как это называется... Брехун! Вот!

— Сами вы брехуны!

— Уходи! Не желаем с тобой на лавочке сидеть.

— Я и сам не стану с вами сидеть.

Игорь встал и ушёл. Мишутка и Стасик тоже пошли домой. По дороге им попалась палатка с мороженым. Они остановились, стали рыться в карманах и считать, сколько у них денег. У обоих набралось только на одну порцию мороженого.

— Купим порцию и разделим пополам, — предложил Стасик.

Продавщица дала им мороженое на палочке.

— Пойдём домой, — говорит Мишутка, — разрежем ножом, чтоб было точно.

— Пойдём.

На лестнице они встретили Иру. Глаза у неё были заплаканные.

— Ты чего ревела? — спрашивает Мишутка.

— Меня мама гулять не пускала.

— За что?

— За варенье. А я его и не ела. Это Игорь на меня наговорил. Наверное, сам съел, а на меня свалил.

— Конечно, Игорь съел. Он сам нам хвастался. Ты не плачь. Пойдём, я тебе свою полпорцию мороженого дам, — сказал Мишутка.

— И я тебе свою полпорцию отдам, вот только попробую разочек и отдам, — пообещал Стасик.

— А вы разве не хотите сами?

— Не хотим. Мы уже по десять порций съели сегодня, — сказал Стасик.

— Давайте лучше это мороженое на троих разделим, — предложила Ира.

— Правильно! — сказал Стасик. — А то у тебя заболит горло, если ты одна всю порцию съешь.

Пошли они домой, разделили мороженое на три части.

— Вкусная штука! — сказал Мишутка. — Я очень люблю мороженое. Один раз я съел целое ведро мороженого.

— Ну, ты выдумываешь всё! — засмеялась Ира. — Кто тебе поверит, что ты ведро мороженого съел!

— Так оно ведь совсем маленькое было, вёдрышко! Такое бумажное, не больше стакана...

ФЕДИНА ЗАДАЧА

аз как-то зимой Федя Рыбкин пришёл с катка. Дома никого не было. Младшая сестра Феди, Рина, уже успела сделать уроки и пошла играть с подругами. Мать тоже куда-то ушла.

— Вот и хорошо! — сказал Федя. — По крайней мере, никто не будет мешать делать уроки.

Он включил телевизор, достал из сумки задачник и стал искать заданную на дом задачу. На экране телевизора появился диктор.

— Передаём концерт по заявкам, — объявил он.

— Концерт — это хорошо, — сказал Федя. — Веселей будет делать уроки.

Он отрегулировал телевизор, чтоб было погромче слышно, и сел за стол.

— Ну-ка, что тут нам на дом задано? Задача номер шестьсот тридцать девять? Так... «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом...»

Вместо диктора на экране появился певец в чёрном костюме и запел густым рокочущим басом:

Жил-был король когда-то,
При нём блоха жила.
Милей родного брата
Она ему была.

— Вот какой противный король! — сказал Федя. — Блоха ему, видите ли, милей родного брата!

Он почесал кончик носа и принялся читать задачу сначала:

— «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смололи, причём из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки...»

Блоха! Ха-ха! —
засмеялся певец и продолжал петь:

Позвал король портного:
— Послушай, ты, чурбан!
Для друга дорогого
Сшей бархатный кафтан.

— Ишь что ещё выдумал! — воскликнул Федя. — Блоха — кафтан! Интересно, как портной его шить будет? Блоха ведь маленькая!

Он прослушал песню до конца, но так и не узнал, как портной справился со своей задачей. В песне ничего про это не говорилось.

— Плохая песня, — решил Федя и опять принялся читать задачу: — «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи, по восемьдесят килограммов в каждом. Рожь смололи, причём из шести килограммов зерна...»

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь, —

запел певец снова.

— Интересно, кто такой титулярный советник? — сказал Федя. — Гм!

Он потёр обеими руками уши, словно они у него замёрзли,

и, стараясь не обращать внимания на пение, принялся читать задачу дальше:

— Так. «...Из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки. Сколько понадобилось машин для перевозки всей муки, если на каждой машине помещалось по три тонны муки?»

Пока Федя читал задачу, песенка про титулярного советника кончилась и началась другая:

Легко на сердце от песни весёлой,
Она скучать не даёт никогда,
И любят песню деревни и сёла,
И любят песню большие города!

Эта песенка очень понравилась Феде. Он даже забыл про задачу и стал пристукивать карандашом по столу в такт.

— Хорошая песня! — одобрил он, когда пение кончилось. — Так... О чём тут у нас говорится? «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

Однозвучно гремит колокольчик, —
послышался высокий мужской голос из телевизора.

— Ну, гремит и пусть гремит, — сказал Федя. — Нам-то какое дело? Нам надо задачу решать. На чём тут мы остановились? Так... «Для дома отдыха купили двадцать одеял и сто тридцать пять простынь за двести пятьдесят шесть рублей. Сколько денег уплатили за купленные одеяла и простыни в отдельности...» Позвольте! Откуда тут ещё одеяла с простынями взялись? У нас разве про одеяла? Тьфу, чёрт! Да это не та задача! Где же та?.. А, вот она! «На мельницу доставили четыреста пятьдесят мешков ржи...»

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит...

— Опять про колокольчик! — воскликнул Федя. — На колокольчиках помешались! Так... Утомительно гремит... в каждом мешке... рожь смололи, причём из шести килограммов муки вышло пять килограммов зерна... То есть муки вышло, а не зерна! Совсем запутали!

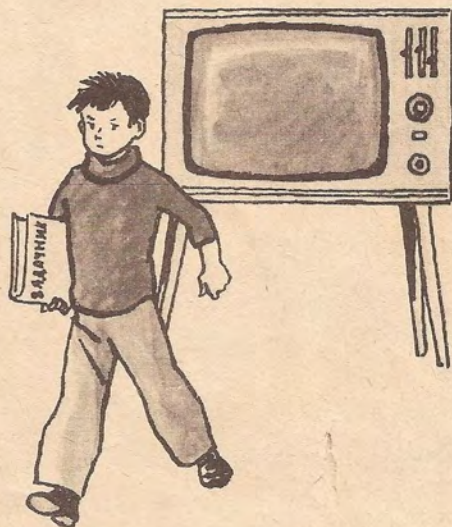
Колокольчики мои, цветики степные!
Что глядите на меня, тёмно-голубые?

— Тьфу! — плюнул Федя. — Прямо деваться от колокольчиков некуда! Хотя из дома беги, с ума можно сойти!.. Из шести килограммов зерна вышло пять килограммов муки, и спрашивается, сколько понадобилось машин для перевозки всей муки...

Не счесть алмазов в каменных пещерах,
Не счесть жемчужин в море полудённом.

— Очень нам нужно ещё алмазы считать! Тут мешки с мукой никак не сосчитаешь! Прямо наказание какое-то! Двадцать раз прочитал задачу — и ничего не понял! Пойду лучше к Юре Сорокину, попрошу, чтоб растолковал.

Федя Рыбкин взял под мышку задачник, выключил телевизор и пошёл к своему другу Сорокину.

ТУК-ТУК-ТУК

ы втроем — я, Мишка и Костя — приехали в пионерлагерь на день раньше всего отряда. У нас было задание: украсить помещение к приезду ребят. Мы сами просили нашего вожатого Витю отправить нас вперёд. Нам очень хотелось поскорей в лагерь.

Витя согласился и сам поехал с нами. Когда мы приехали, в доме уже заканчивалась уборка. Мы развесили на стенах плакаты, картины, которые привезли с собой, потом нарезали из разноцветной бумаги флажков, нанизали их на верёвочки и повесили под потолком. Потом нарвали в поле цветов, наделали из них букетов и расставили на окнах в банках с водой. Хорошо получилось!

Вечером вожатый Витя уехал обратно в город. Марья Максимовна, лагерный сторож, которая жила рядом в маленьком домике, сказала, чтобы мы шли ночевать к ней, но мы не захотели. Мишка сказал, что мы ничего не боимся и будем ночевать одни в доме. Марья Максимовна ушла,

а мы поставили во дворе самовар, сели на крылечке и отдыхали.

Хорошо было в лагере! Возле самого дома росли высокие рябины, а вдоль забора — огромные старые липы. На них множество круглых вороньих гнёзд.

Вороны кружились над липами и громко кричали. В воздухе гудели майские жуки. Они носились в разные стороны, налетали на стены дома и шлёпались на землю. Мишка подбирал их и складывал в коробочку.

А потом солнышко скрылось за лесом, и облака на небе вспыхнули красным пламенем. Так красиво стало! Если бы у меня были краски, я бы тут же нарисовал картину: вверху красные облака, а внизу наш самовар. А от самовара поднимается дым прямо к облакам, как из паровой трубы.

Потом облака потухли и стали серые, как будто горы. Всё переменялось вокруг. Нам даже стало казаться, что мы попали каким-то чудом в другие края.

Самовар вскипел. Мы перенесли его в комнату, зажгли лампу и сели пить чай. В окно налетели ночные бабочки; они кружились вокруг лампы, будто плясали. Всё было как-то необыкновенно. Тихо так, только самовар на столе шумит. Мы сидим и чай пьём, сами себе хозяева.

После чая Мишка запер на крючок дверь и ещё верёвкой за ручку привязал.

— Чтоб не забрались разбойники, — говорит.

— Не бойся, — говорим мы, — никто не заберётся.

— Я не боюсь. Так, на всякий случай. И ставни надо закрыть.

Мы посмеялись над ним, но ставни всё-таки закрыли, на всякий случай, и стали укладываться спать. Сдвинули три кровати вместе, чтоб удобнее было разговаривать.

Мишка стал просить пустить его в середину. Костя говорит:

— Ты, видно, хочешь, чтоб разбойники сначала нас убили, а потом только до тебя добрались. Ну ладно, ложись.

Пустили его в середину. Но он всё равно, должно быть, боялся: взял в кухне топор и сунул его себе под подушку. Мы с Костей чуть со смеху не лопнули.

— Ты только нас не заруби по ошибке, — говорим. —

А то примешь нас за разбойников и тяпнешь по голове топором.

— Не бойтесь, — говорит Мишка, — не тяпну!

Потушили мы лампу и стали в темноте рассказывать друг другу сказки. Сначала рассказал Мишка, потом я, а когда очередь дошла до Кости, он начал какую-то длинную страшную сказку про колдунов, про ведьм, про чертей и про Кошеля Бессмертного. Мишка от страха закутался с головой в одеяло и стал просить Костю не рассказывать больше эту сказку. А Костя, чтоб попугать Мишку, принялся ещё кулаками по стене стучать и говорить, что это черти стучат. Мне самому сделалось страшно, и я сказал Косте, чтоб он перестал.

Наконец Костя унялся. Мишка успокоился и уснул. Стало тихо. Мы с Костей почему-то долго не могли уснуть. Лежим, прислушиваемся, как Мишкины жуки в коробке шуршат.

— Темно, как в погребе! — сказал Костя.

— Это потому, что ставни закрыты, — говорю я.

— А всё-таки мы храбрые! Не боимся одни ночевать! — говорит Костя.

Скоро чуточку посветлело. Стали видны щели в ставнях.

— Наверно, уже рассвет, — говорит Костя. — Теперь ночи совсем короткие.

— А может быть, луна взошла?

Наконец я задремал. Вдруг слышу сквозь сон:

Тук-тук-тук!

Я проснулся. Мишка и Костя спят. Я разбудил Костю.

— Кто-то стучит, — говорю.

— Кто же может стучать?

— А вот послушай.

Прислушались мы. Тихо. Потом снова:

Тук-тук-тук!

— В дверь стучат, — говорит Костя. — Кто же это?

Подождали мы. Не стучат больше.

«Может быть, показалось», — думаем.

Вдруг опять:

Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

— Тише, — шепчет Костя, — не надо отзываться. Может быть, постучит и уйдёт.

Подождали. Вдруг снова:

Тук-тук-тук! Тра-та-та-та!

— Ах, чтоб тебя разорвало! Не уходит! — говорит Костя.

— Может быть, это из города кто-нибудь приехал? — говорю я.

— Зачем же в такую поздноту ездить? Подождём. Если постучат ещё, спросим.

Ждём. Никого нет.

— Наверно, ушёл, — говорит Костя.

Только мы было успокоились, вдруг снова:

Тра-та-та-та!

Я подскочил в постели от неожиданности.

— Пойдём, — говорю, — спросим.

— Пойдём.

Подкрались мы к двери.

— Кто там? — спрашивает Костя.

Тихо. Никто не отвечает.

— Кто там?

Молчит.

— Кто там?

Никакого ответа.

— Наверно, ушёл, — говорю я.

Пошли мы обратно. Только отошли от двери:

Тук-тук-тук! Трах-та-тах!

Бросились опять к дверям:

— Кто там?

Молчит.

— Что он, глухой, что ли? — говорит Костя.

Стоим мы, прислушиваемся. За дверью будто об стенку кто-то трётся.

— Кто там?

Ничего не отвечает.

Отошли мы от двери. Вдруг снова:

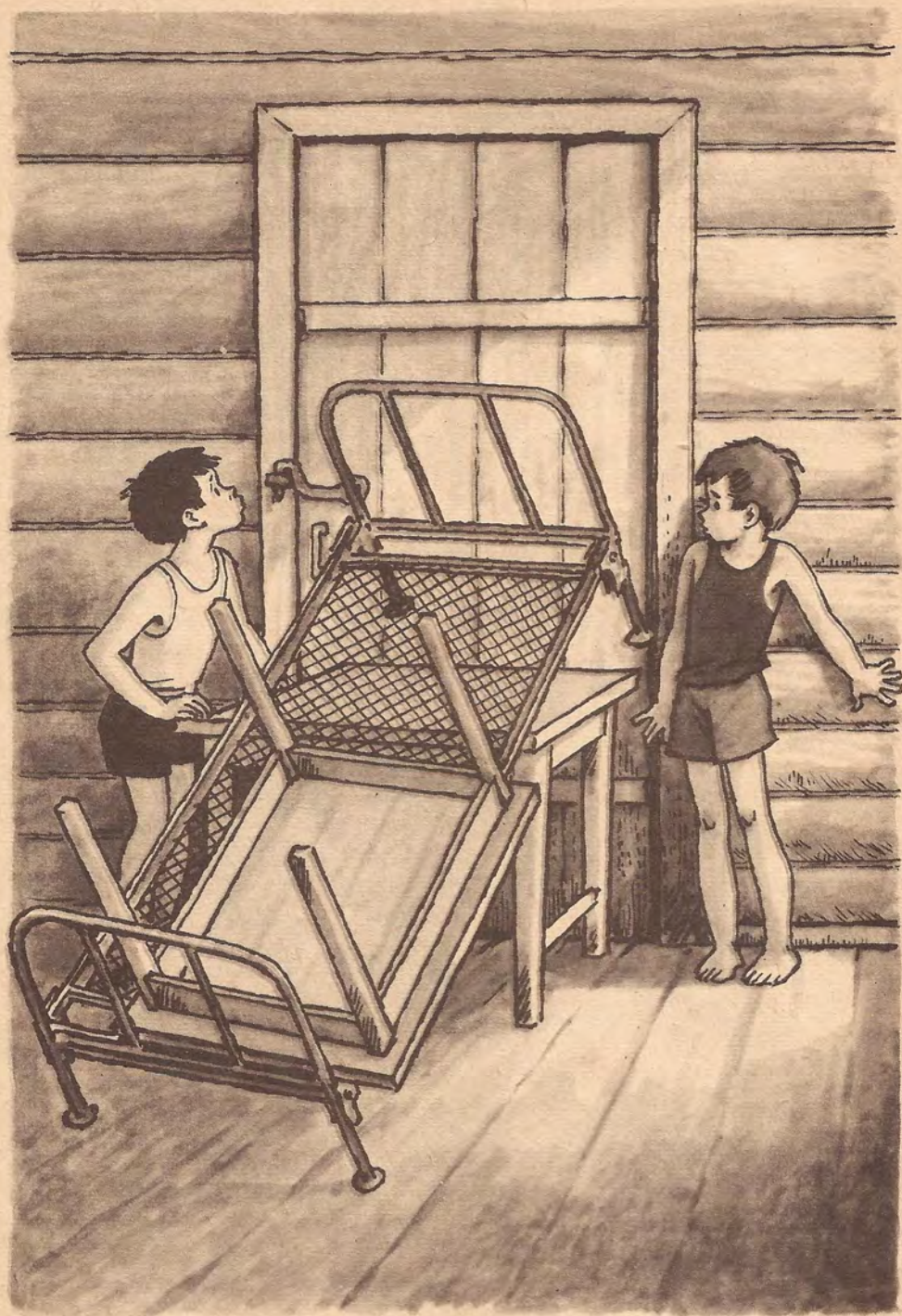
Тук-тук-тук!

Забрались мы на кровать и дышать боимся. Сидели, сидели — не стучит больше. Легли. Думаем, не будет больше стучать.

Тихо. Вдруг слышим — шуршит по крыше. И вдруг по железу:

Бух-бух-бух! Трах!

— На крышу забрался! — прошептал Костя.

Вдруг с другой стороны:

Бум-бум-бум! Бах!

— Да тут не один, а двое! — говорю я. — Что ж это они, крышу разобрать хотят?

Вскочили мы с кроватей, закрыли дверь в соседнюю комнату, откуда был ход на чердак. К двери стол придвинули и ещё другим столом и кроватью подпёрли. А на крыше всё стучат: то один, то другой, то вместе разом. И ещё третий к ним прибавился. И ещё кто-то снова в дверь колотить начал.

— Может быть, это кто-нибудь нарочно, чтоб напугать нас, — говорю я.

— Выйти, — говорит Костя, — да наkostenять им по шее, чтоб не мешали спать!

— Ещё нам, — говорю, — наkostenяют. Вдруг их там человек двадцать!

— А может, это и не люди!

— А кто же?

— Черти какие-нибудь.

— Брось, — говорю, — сказки рассказывать! И без сказок страшно!

А Мишка спит и ничего не слышит. Ему хоть бы что!

— Может быть, разбудить его? — спрашиваю.

— Не надо. Пусть пока спит, — говорит Костя. — Знаешь, какой он трус! До смерти перепугается.

Устали мы, прямо с ног валимся. Спать хочется! Костя забрался в постель и говорит:

— Надоела мне вся эта музыка! Пусть там себе хоть головы расшибут на крыше. Очень мне нужно обращать внимание.

Я вытащил у Мишки из-под подушки топор, положил его рядом с собой в кровать и тоже прилёг отдохнуть. Стук на крыше становился всё чаще и тише. Мне стало казаться, что это дождь по крыше стучит, и я не заметил, как снова уснул.

Утром просыпаемся от страшного стука. Во дворе шум и крик.

Я схватил топор, подбежал к двери.

— Кто там? — спрашиваю.

И вдруг слышу голос Вити, вожатого:

— Откройте, ребята! Что там с вами случилось? Полчаса достучаться не можем.

Я открыл дверь. Все ребята гурьбой ввалились в комнату. Витя увидел топор.

— Зачем топор? — спрашивает. — И что у вас за разгром такой?

Мы с Костей стали рассказывать, что здесь ночью случилось. Но никто нам не верил, все смеялись над нами и говорили, что это нам с перепугу показалось. Мы с Костей чуть не плакали от обиды.

Вдруг сверху послышался стук.

— Тише! — закричал Костя и поднял палец кверху.

Ребята умолкли и стали прислушиваться.

Тук-тук-тук! — стучало что-то по крыше.

Ребята застыли от удивления. Мы с Костей открыли дверь и потихоньку вышли во двор. Все пошли за нами. Мы отошли от дома в сторону и взглянули на крышу. Там сидела обыкновенная ворона и что-то клевала.

Тук-тук-тук! Бух-бух! — стучала она по железу клювом.

Ребята увидели ворону и расхохотались так громко, что ворона захлопала крыльями и улетела. Ребята сейчас же притащили лестницу; несколько человек забрались на крышу посмотреть, что там клевала ворона.

— Здесь прошлогодние ягоды рябины лежат. Наверно, вороны клюют их и стучат по крыше! — закричали ребята.

— Откуда же здесь ягоды рябины берутся? — говорим мы.

— Да тут ведь вокруг рябины растут. Вот ягоды прямо на крышу и падают.

— Постойте, а в дверь-то кто стучал? — говорю я.

— Да, — говорит Костя, — зачем это воронам понадобилось в дверь стучать? Вы ещё скажете, что вороны нарочно в дверь стучали, чтоб мы их переночевать пустили.

На это никто не мог ничего ответить. Все побежали на крыльцо и стали осматривать дверь. Витя поднял с крыльца ягоду и сказал:

— Они и не стучали в дверь. Они клевали на крыльце ягоды, а вам показалось, что стучат в дверь.

Мы посмотрели: на крыльце валялось несколько ягод рябины.

— Храбрецы! — смеялись над нами ребята. — Втроём испугались вороны!

— И совсем не втроём, а вдвоём, — говорю я, — Мишка спал как убитый и ничего не слышал.

— Молодец, Мишка! — закричали ребята. — Значит, ты один не боялся вороны?

— Я ничего не боялся, — ответил Мишка. — Я спал и ничего не знаю.

С тех пор все считают Мишку храбрецом, а нас с Костей трусами.

ТЕЛЕФОН

дин раз мы с Мишкой были в игрушечном магазине и увидели замечательную игрушку — телефон. В большой деревянной коробке лежали два телефонных аппарата, две трубки, в которые говорить и слушать, и целая катушка проволоки. Продавщица объяснила нам, что если один телефон поставить в одной квартире, а другой — у соседей и соединить оба аппарата проволокой, то можно переговариваться.

— Вот нам бы купить! Мы как раз соседи, — сказал Мишка. — Хорошая штука! Это не какая-нибудь простая игрушка, которую поломаешь и выбросишь. Это полезная вещь!

— Да, — говорю я, — очень полезная штука! Захотел поговорить, взял трубку — поговорил, и ходить никуда не надо.

— Удобство! — восторгался Мишка. — Сидишь дома и разговариваешь. Замечательно!

Мы с Мишкой решили собирать деньги, чтобы купить телефон. Две недели подряд мы не ели мороженого, не хо-

дили в кино — всё деньги копили. Наконец насобирали, сколько было нужно, и купили телефон.

Примчались из магазина домой с коробкой. Один телефон у меня поставили, другой — у Мишки и от моего телефона протянули проволоку через форточку вниз, прямо к Мишкиному телефону.

— Ну, — говорит Мишка, — попробуем разговаривать. Беги наверх и слушай.

Я помчался к себе, взял трубку и слушаю, а трубка уже кричит Мишкиным голосом:

— Алло! Алло!

Я тоже как закричу:

— Алло!

— Слышно что-нибудь? — кричит Мишка.

— Слышно. А тебе слышно?

— Слышно. Вот здорово! Тебе хорошо слышно?

— Хорошо. А тебе?

— И мне хорошо! Ха-ха-ха! Слышно, как я смеюсь?

— Слышно. Ха-ха-ха! А тебе слышно?

— Слышно. Послушай, сейчас я к тебе приду.

Мишка прибежал ко мне, и мы принялись обниматься от радости.

— Хорошо, что купили телефон! Правда? — говорит Мишка.

— Конечно, — говорю, — хорошо.

— Слушай, сейчас я пойду обратно и позвоню тебе.

Он убежал и позвонил снова.

Я взял трубку:

— Алло!

— Алло!

— Слышно?

— Слышно.

— Хорошо?

— Хорошо.

— И у меня хорошо. Давай разговаривать.

— Давай, — говорю. — А о чём разговаривать?

— Ну, о чём... О чём-нибудь... Хорошо, что мы купили телефон, правда?

— Правда.

— Вот если бы не купили, было бы плохо. Правда?

— Правда.
— Ну?
— Что «ну»?
— Чего же ты не разговариваешь?
— А ты почему не разговариваешь?
— Да я не знаю, о чём разговаривать, — говорит Мишка. — Это всегда так бывает: когда надо разговаривать, так не знаешь, о чём разговаривать, а когда не надо разговаривать, так разговариваешь и разговариваешь...

Я говорю:

— Давай вот что: подумаем, а когда придумаем, тогда позвоним.

— Ладно.

Я повесил трубку и стал думать. Вдруг звонок. Я взял трубку.

— Ну, придумал? — спрашивает Мишка.

— Нет ещё, не придумал.

— Я тоже ещё не придумал.

— Зачем же ты звонишь, раз не придумал?

— А я думал, что ты придумал.

— Я сам тогда позвонил бы.

— А я думал, что ты не догадаешься.

— Что ж я, по-твоему, осёл?

— Нет, какой же ты осёл! Ты совсем не осёл! Разве я говорю, что ты осёл!

— А что ты говоришь?

— Ничего. Говорю, что ты не осёл.

— Ну ладно, довольно тебе про осла твердить! Давай лучше уроки учить.

— Давай.

Я повесил трубку и сел за уроки. Вдруг Мишка снова звонит:

— Слушай, сейчас я буду петь и на рояле играть по телефону.

— Ну, пой, — говорю.

Послышалось какое-то шипение, потом забренчала музыка, и вдруг Мишка запел не своим голосом:

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни-и-и?

«Что это? — думаю. — Где он так петь выучился?»

Вдруг Мишка сам является. Рот до ушей.

— Ты думал, это я пою? Это патефон по телефону поёт! Дай-ка, я послушаю.

Я дал ему трубку. Он слушал, слушал, потом как бросит трубку — и бегом вниз. Я взял трубку, а там: «Пш-ш-ш! Пш-ш-ш! Др-р-р! Др-р-р!» Наверно, пластинка кончилась. Я снова сел за уроки. Опять звонок. Я взял трубку:

— Алло!

А из трубки:

«Ав! Ав! Ав!»

— Ты чего, — говорю, — по-собачьи лаешь?

— Это не я. Это с тобой Дружок разговаривает. Слышишь, как он кусает трубку зубами?

— Слышу.

— Это я ему в морду тыкаю трубкой, а он её зубами грызёт.

— Ты бы лучше не портил трубку.

— Ничего, она железная... Ай! Пошёл вон! Я тебе покажу, как кусаться! Вот тебе! («Ав! Ав! Ав!») Кусается, понимаешь?

— Понимаю, — говорю.

Снова сел за уроки. Через минуту звонок. Я взял трубку, а там что-то жужжит:

«Жжу-у-у-у!»

— Алло! — кричу я.

«Жуу-у! Жжу-у!»

— Чем ты там жужжишь?

— Мухой.

— Какой мухой?

— Ну, простой мухой. Я её держу перед трубкой, а она крылышками машет и жужжит.

Целый вечер мы с Мишкой звонили друг другу и выдумывали разные фокусы: пели, кричали, рычали, мычали, даже шёпотом разговаривали — всё было слышно. Уроки я кончил поздно и думаю:

«Позвоню ещё раз Мишке, перед тем как лечь спать».

Позвонил, а он не отвечает.

«Что же это? — думаю. — Неужели телефон испортился?»

Позвонил ещё раз — опять нет ответа! Думаю:

«Надо пойти узнать, в чём дело».

Прибегаю к нему... Батюшки! Он телефон положил на стол и ломает. Батареею из аппарата вытащил, звонок разобрал и уже трубку развинчивает.

— Стой! — говорю. — Ты зачем телефон ломаешь?

— Да я не ломаю. Я только хочу посмотреть, как он устроен. Разберу, а потом соберу обратно.

— Так разве ты соберёшь? Это понимать надо.

— Ну я и понимаю. Чего тут ещё не понимать!

Он развинтил трубку, вынул из неё какие-то железки и стал отковыривать круглую пластинку, которая внутри была. Пластинка вывалилась, и из трубки посыпался чёрный порошок. Мишка испугался и стал собирать порошок обратно в трубку.

— Ну, вот видишь, — говорю, — что ты наделал!

— Ничего, — говорит, — я сейчас соберу всё, как было.

И стал собирать. Возился, возился... Винтики маленькие, завинчивать трудно. Наконец собрал трубку, только железка у него одна осталась и два винтика лишних.

— А это откуда — железка? — спрашиваю.

— Ах я разиня! — говорит Мишка. — Забыл! Её надо было там внутри привинтить. Придётся снова разбирать трубку.

— Ну, — говорю, — я пойду домой, а ты, как только будет готово, позвони мне.

Пошёл я домой и стал ждать. Ждал, ждал, так ничего не дождался и спать лёг.

Наутро телефон как зазвонит! Я вскочил не одетый, схватил трубку и кричу:

— Слушаю!

А из трубки в ответ:

— Ты чего хрюкаешь?

— Как это хрюкаю? Я не хрюкаю, — говорю я.

— Брось хрюкать! Говори по-человечески! — кричит Мишка.

— Я же по-человечески. Зачем мне хрюкать?

— Ну, довольно тебе баловаться! Всё равно я не поверю, что поросёнка в комнату притащил.

— Да говорят же тебе, что никакого поросёнка нет! — рассердился я.

Мишка замолчал. Через минуту приходит ко мне:

— Ты чего хрюкал по телефону?

— Я не хрюкал.

— Я ведь слышал.

— Да зачем же мне хрюкать?

— Не знаю, — говорит. — Только у меня в трубке всё «хрю-хрю» да «хрю-хрю». Вот пойдёшь, если не веришь, послушай.

Я пошёл к нему и позвонил по телефону:

— Алло!

Сначала ничего не было слышно, а потом потихоньку так:

«Хрюк! Хрюк! Хрюк!»

Я говорю:

— Хрюкает.

А в ответ снова:

«Хрюк! Хрюк! Хрюк!»

— Хрюкает! — кричу я.

А из трубки опять:

«Хрюк! Хрюк! Хрюк! Хрюк!»

Тут я понял, в чём дело, и побежал к Мишке.

— Это ты, — говорю, — телефон испортил!

— Почему?

— Ты разбирал его, вот и испортил у себя в трубке что-то.

— Наверно, я что-нибудь неправильно собрал, — говорит Мишка. — Надо исправить.

— Как же теперь справишь?

— А я посмотрю, как твой телефон устроен, и свой сделаю так же.

— Не дам я свой телефон разбирать!

— Да ты не бойся! Я осторожно. Надо же починить!

И стал чинить. Возился, возился — и починил так, что совсем ничего не стало слышно. Даже хрюкать перестало.

— Ну, что теперь делать? — спрашиваю я.

— Знаешь, — говорит Мишка, — пойдём в магазин, может быть, там починят.

Пошли мы в игрушечный магазин, но там телефонов не чинили и даже не знали, где чинят. Целый день мы ходили скучные. Вдруг Мишка придумал:

— Чудаки мы! Ведь мы можем по телеграфу переговариваться!

— Как — по телеграфу?

— Очень просто: точка, тире. Звонок-то ведь действует! Короткий звонок — точка, а длинный — тире. Выучим азбуку Морзе и будем переговариваться!

Достали мы азбуку Морзе и стали учить: «А» — точка, тире; «Б» — тире, три точки; «В» — точка, два тире... Выучили всю азбуку и стали переговариваться. Сначала у нас получалось медленно, а потом мы научились, как настоящие телеграфисты: трень-трень-трень! — и всё понятно. Это даже интереснее было, чем простой телефон. Только это продолжалось недолго. Один раз звоню Мишке утром, а он не отвечает. «Ну, — думаю, — спит ещё». Позвонил позже — опять не отвечает. Пошёл к нему и стучу в дверь. Мишка открыл и говорит:

— Ты чего в дверь барабанишь? Не видишь, что ли? — и показывает на двери кнопку.

— Что это? — спрашиваю.

— Кнопка.

— Какая?

— Электрическая. У нас теперь электрический звонок есть, так что можешь звонить.

— Где ты взял?

— Сам сделал.

— Из чего?

— Из телефона.

— Как — из телефона?

— Очень просто. Звонок из телефона выдрал, кнопку — тоже. И батарею из телефона вынул. Была игрушка — стала вещь!

— Какое же ты имел право телефон разбирать? — говорю я.

— Какое право! Я свой телефон разобрал. Твоего ведь не трогал.

— Так телефон-то наш общий! Если бы я знал, что ты станешь ломать, то и не стал бы с тобой покупать! Зачем мне телефон, если разговаривать не с кем!

— А зачем нам разговаривать? Небось недалеко живём, можно и так прийти поговорить.

— Я с тобой и разговаривать после этого не хочу!

Рассердился я на него и три дня с ним не разговаривал.

От скуки и я свой телефон разобрал и сделал из него электрический звонок. Только не так, как у Мишки. Я всё аккуратно устроил. Батарейку поставил возле двери на полочке, от неё по стене провода протянул к электрическому звонку и кнопке. А кнопку к двери хорошенько винтиками привинтил, чтобы она не болталась на одном гвозде, как у Мишки. Даже папа и мама похвалили меня за то, что я устроил такую полезную вещь в доме.

Я пошёл к Мишке, чтобы рассказать ему, что у меня теперь тоже электрический звонок есть.

Подхожу к двери, звоню... Нажимал кнопку, нажимал — никто не открывает. «Может быть, звонок испортился?» — думаю. Стал в дверь стучать. Мишка открыл. Я спрашиваю:

— Что же звонок, не действует?

— Не действует.

— Почему?

— Да я батарейку разобрал.

— Зачем?

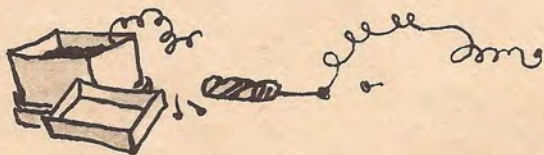
— Ну, я хотел посмотреть, из чего батарейка сделана.

— Как же, — говорю, — ты теперь будешь — без телефона и без звонка?

— Ничего, — вздохнул он, — как-нибудь буду!

Пошёл я домой, а сам думаю: «Почему Мишка такой нескладный? Зачем он всё ломает?!» Мне даже жалко стало его.

Вечером я лёг спать и долго не мог заснуть, всё вспоминал: как у нас был телефон и как из него получился электрический звонок. Потом я стал думать об электричестве, как оно получается в батарее и из чего. Все давно уже спали, а я всё думал про это и никак не мог заснуть. Тогда я встал, зажёл лампу, снял с полки батарейку и разломал её. В батарее оказалась какая-то жидкость, в которой мокла чёрная палка, завернутая в тряпочку. Я понял, что электричество получалось из этой жидкости. Потом лёг в постель и быстро заснул.

СОДЕРЖАНИЕ

Мишкина каша	3
Метро	12
Фантазёры	16
Федина задача	22
Тук-тук-тук	27
Телефон	36

К читателям

*Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Николай Николаевич Носов

ФЕДИНА ЗАДАЧА

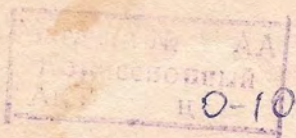
ИБ № 3539

Ответственный редактор *Л. П. Серебрякова*
Художественный редактор *Н. И. Комарова*
Технический редактор *М. В. Журавлёва*
Корректор *Э. Л. Лофенфельд*

Сдано в набор 31.08.78. Подписано к печати 29.01.79. Формат 70×100/16.
Бум. офс. № 2. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,9.
Уч.-изд. л. 2,7. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 499. Цена 10 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература».
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской
литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР.
Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

10 коп.

КНИЖНАЯ
ИЛЛЮСТРАЦИЯ
СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

МУЗЕЙ ДЕТСКИХ КНИГ DJVU/PDF

[SHEVA.SPB.RU/BIB/](http://sheva.spb.ru/bib/)